

УДК 821.161.1-32(Толстая Т.).
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64-8,44

Ю. Ю. Даниленко
Пермь, Россия

ОПЫТ ГЕНДЕРНОГО АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ «СПИ СПОКОЙНО, СЫНОК»)

Аннотация. В настоящей работе представлен гендерный анализ рассказа известной российской писательницы Т. Толстой «Спи спокойно, сынок» (2001). Под гендерным анализом вслед за Э. Шоуолтер, Э. Сиксу, И. Жеребкиной и другими исследователями понимается такой подход к тексту, который ориентирован на обнаружение специфической проблематики, связанной с формированием моделей гендерной идентичности, а также гендерного самосознания героев. Предметом исследования в настоящей работе являются репрезентации новых моделей материнства, реализованных в современной женской прозе 1990-х годов, в частности, в рассказах Т. Толстой. В рассказе Т. Толстой «Спи спокойно, сынок» предметом изображения становится болезненный процесс осмысления главным героем самого себя, поиск идентичности через отсутствующую инстанцию матери. Редуцированная инстанция матери становится травмой для героя, причиной формирования будущей «дефектной» идентичности. Мужчина в художественной системе автора предстает «дефектным субъектом» (термин И. Жеребкиной), неспособным выстроить полноценные супружеские отношения.

В работе представлен анализ модели материнско-детских отношений как проекции модели гендерных отношений мужчины и женщины. В ходе анализа обнаружено, что через репрезентацию моделей гендерных отношений реализуется онтологическая проблематика.

Ключевые слова: Татьяна Толстая, женская проза, гендер, гендерный анализ, модели материнства, гендерная идентичность.

J. Yu. Danilenko
Perm, Russia

GENDER ANALYSIS OF THE MODERN TEXT (ON THE MATERIAL OF THE STORY «SLEEP WELL, MY SON» BY TATYANA TOLSTAYA)

Abstract. The article gives an example of gender analysis of T. Tolstaya's story «Sleep well, my son» (2001). The author follows the ideas of E. Showalter, H. Cixous, I. Zhrebkina and other researchers and understands the gender analysis as an approach to the text, which is focused on the detection of specific problems associated with the formation of patterns of gender identities as well as gender identity characters. The article explores the representation of new models of maternity in modern women's fiction of 1990, in particular, in the story by T. Tolstaya. In «Sleep well, my son» the main image object is the painful process of self-understanding by protagonist, the search of identity through the missing of mother's position. Reduced mother's position becomes a disaster and the reason for the formation of the future «defective» identity of the hero. The man in the author's art system is represented as a «defective subject» (the definition by Irina Zhrebkina).

The paper analyzes the model of mother-child relationship as a projection of relations between men and women. The analysis found that the ontological problematic was realized through the representation of the models of gender relations.

Keywords: Tatyana Tolstaya, women's prose, gender, gender analysis, model of motherhood, gender identity.

Гендерные исследования в литературоведении на сегодняшний момент являются перспективным и востребованным направлением гуманитарных наук. Методологической основой этого направления стали западные исследования в области гендерологии, особенно теория феминистского литературного критицизма, получившего широкое распространение в Великобритании, Франции, Америке. Отечественные исследования в настоящее время находятся в стадии становления и адаптации западного опыта с учетом традиций российского литературоведения. Историю становления гендерных исследований описала в своих работах доктор исторических наук Н. Пушкарева, основоположница исторической феминологии и гендерной истории в российской науке (Н. Л. Пушкарева «Гендерная теория и историческое знание», 2007). Среди основоположников собственно отечественных исследований в области гендерологии стоит отметить И. Жеребкину, возглавившую харьковский центр гендерных исследований. Она первая ввела в научный оборот многие понятия феминистской теории, адаптировала работы западных

исследователей феминистского литературного критицизма, подробно прокомментировав основные из них в своей монографии «Прочти моё желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм» (2000). В исследовании «Гендерные 90-е или фаллоса не существует» (2003) рассмотрены взаимоотношения постсоветской власти и женских моделей (политик) сопротивления власти. Так женское творчество постепенно становится предметом литературоведческого изучения, исследованию специфики женского письма и проблематике женского творчества посвящено на настоящий момент множество диссертационных исследований и монографий. Отметим исследования Т. Мелешко «Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте» (2001), также разработанную Т. Мелешко программу курса «Гендерный анализ отечественной женской прозы» (2004). В своих работах Т. Мелешко предлагает аналитический обзор основных подходов к изучению женского творчества (социологический, психоаналитический, постмодернистский), а также предлагает собственную классифи-

кацию моделей женственности, явленную в российской женской прозе.

Также следует выделить исследование М. П. Абашевой и Н. В. Воробьевой «Русская женская проза на рубеже XX — XXI веков» (2007). Монография посвящена описанию поэтики и проблематики женской прозы от 1980-х годов до 2000-х годов. Основное внимание уделено анализу художественных текстов женщин-писательниц 1980–2000-х годов и поискам современных методов интерпретации женских текстов.

Среди работ, обобщающих теоретические наработки в области отечественной гендерологии, можно назвать статью С. Охотниковой «Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики», где автор описывает и анализирует наработанный российскими учеными научный аппарат, комментирует введенные в оборот новые термины, такие как «гендерная поэтика» (Е. З. Тарланов), «гендерное самосознание» (В. Макаров) и др.

Итак, опираясь на опыт западных и отечественных исследователей, под гендерным анализом в настоящей работе мы будем понимать такой подход к тексту, который ориентирован на обнаружение специфической проблематики, связанной с формированием моделей гендерных идентичностей, а также гендерного самосознания героев.

Предметом исследования в настоящей работе станут репрезентации новых моделей материнства, реализованных в современной женской прозе 1990-х годов, в частности, в рассказах Татьяны Толстой. Предметом детального анализа станет рассказ «Спи спокойно, сынок» (2001).

Исследователи неоднократно обращались к специфике изображения образа матери в современной женской прозе. В частности, М. П. Абашева и Н. В. Воробьева в работе «Русская женская проза на рубеже XX — XXI веков» трактуют новую модель материнства, представленную в творчестве писательниц нового поколения, как модель ущербности, реализованную в образах матерей-алкоголичек, проституток, наркоманок (в текстах С. Василенко «Шамара», М. Палей «Кабирия с обводного канала» и др.). Исследователи рассматривают материнство как одну из «травматических стратегий женской идентификации» [Абашева, Воробьева 2007: 83].

В нашей работе мы рассмотрим модель материнства, материнско-детских отношений, в которых реализуется проекция гендерных отношений мужчины и женщины.

«Дефектным субъектом»¹ предстает в женской прозе не только женщина, но и мужчина. «Дефектность» самих отношений между мужчиной и женщиной авторы транслируют через метафору надлома материнско-детской модели отношений. Так, в текстах Татьяны Толстой драма супружеских конфликтов часто оказывается детерминирована травмой детства, не сформированной гендерной идентичностью героев.

В рассказе Т. Толстой «Спи спокойно, сынок» предметом изображения становится болезненный процесс осмысления главным героем самого себя, поиск идентичности через отсутствующую инстанцию матери. Главный герой рассказа — молодой человек Сергей, будучи формально состоявшимся в жизни человеком, мужем и зятем, отнюдь не чувствует собственной мужской состоятельности, так как в свое время не состоялся в роли сына. Жизнь героя — воспитанника детдома, потерянного в послевоенное время на вокзале во время пожара, представлена автором как путь обретения материнского начала. Герой живет как будто вслепую, наощупь, не понимая собственной значимости и предназначения, потому не может укорениться и прорасти в настоящем времени, прорасти самостоятельным ростком сквозь материнское лоно. Связь с матерью ощущается героем интуитивно, но мать никак не может материализоваться, проступить из тумана и дыма пожара, прочертить для героя его систему координат.

Будучи уже взрослым, герой по-прежнему ощущает себя маленьким и незащищенным потерявшимся ребенком, он существует вне времени и пространства. Автор не наделяет героя ни профессией, ни талантами, ни какими-либо качествами. Главная суть героя в том, что он — потерянный ребенок, обреченный на онтологическое одиночество. «Остановливался, смотрел, преодолевая себя, напрягал память: кто я? Откуда? Чей я сын? Ведь была же мама, кто-то меня родил, любил, вез куда-то?» [Толстая 2001: 133]. Редуцированная инстанция матери не восполняется со временем, потому травма не изживается, но сформируется еще более глубокой и болезненной, формирующей будущую гендерную идентичность героя.

С детства, находясь в детдоме, Сергей отчаянно пытается примерить на себя различные модели идентичности: он готов быть сыном учительницы и повара, любой прохожей, лишь бы восстановить родовую связь, преодолеть онтологическое одиночество. Герой стремится реконструировать свое прошлое, воссоздать пропавшие звенья, пробует вписать себя в чужие жизни: «Он выдумывал себе матерей, воображал себя сыном любимой учительницы «...» Он был сыном повара «...» замирал, ожидая озарения, узнавания; он вглядывался в женщин на улице — напрасно, все бежали мимо. Теперь же, тайно от Леночки, он хотел быть сыном Марьи Максимовны» [Толстая 2001: 134]. Живя по инерции, в интуитивном поиске матери, герой женится не по любви, но словно по наитию, не отдавая себе отчет, стремясь обрести не жену, но мать. Теща Марья Максимовна становится для героя главным персонажем в новой жизни, жена же, Леночка, является лишь проводником к материнской инстанции. Сергей входит в дом своей супруги не как муж и хозяин, но как все тот же потерянный мальчик, наконец, обретший отчий дом и материнскую опеку. «Мягкая, чудесная, понимающая женщина — Марья Максимовна. Ровный, бесстрастный характер у Леночки, будто не жена ему, а сестра. Мать и сестра — о чем еще мечтать потерявшемуся мальчику?» [Толстая 2001: 133].

Модель отношений молодых супругов строится на отталкивании и подчеркнутой дискommunikации. Онтологическая незрелость, растерянность героя, его

¹ Жеребкина И. Гендерные 90-е или фаллоса не существует. — СПб.: Алитей, 2003. — 256 с. (Серия «Феминистская коллекция»). — С. 99.

неготовность стать полноценным мужем обуславливает поведенческую модель молодой супруги. Она холодна и бесстрашна, словно Снегурочка, ее поведение не понятно Сергею, ему только предстоит распознать ее суть, растопить лед, только прежде надо дорасти, преодолеть свои страхи, обрести себя. «Ночью лежал без сна, смотрел в ее тихое личико с розовыми тенями у глаз, удивлялся: кто такая? О чем думает? Что ей снится? Спросишь — пожмет плечами, помалкивает» [Толстая 2001: 138].

Теща становится для Сергея воплощением материнской инстанции, защиты и покровительства. Марья Максимовна так любезна, что выделяет под кабинет зятю комнатку прислуги — маленький закуток, что становится для героя началом обретения собственной идентичности: «Да она даже представить себе не может, какое чудо, какой подарок судьбы для него эта комната, эта семья, — для него, детдомовца, мальчика без имени, без отчества, без матери» [Толстая 2001: 132].

Однако рассказ начинается с фразы «У Сергеевой тещи в сорок восьмом году сперли каракулеву шубу» [Толстая 2001: 128]. В краже обвинили домработницу Паню, комнату которой и занял потом Сергей. Единственным недостатком тещи был «пунктик на шубе» (отсылка к «Шинели» Н. Гоголя, раскрывающая суть образа героини), который в итоге развенчал светлый образ материнского начала в восприятии Сергея и реабилитировал воровку Паню. «Хорошо, пусть она украдала! Нищая, голодная, как эти воровавшие мальчишки, дом сожжен, сын потерян, муж погиб в болотах. Я ее сын. Паня — моя мать, это решено, чтоб вы знали» [Толстая 2001: 141].

Так постепенно герой обретает собственную персонификацию. Не имея корней, герой, являясь безымянным и безродным, в итоге вбирает в себя все возможные модели идентичности, враждебные друг другу идеологии, примиряя их и уравнивая, он становится частью всех их одновременно: он потомок и героя войны, и вора, и поварики, и учительницы; он, готовый оправдать любую слабость и гордиться свершениями своих предков. Потому в числе предполагаемых предков, например, среди воров и героев войны, в одном линейном ряду стоит и свекр героя, Павел Антонович, в имени которого явно слышится аллюзия на имя Антона Павловича Чехова. «А вдруг Пал Антоныч — Сергеев отец? Почему бы и нет? Вариант реальный...» [Толстая 2001: 142]. «Крепко взявшись за руки, цепь предков уходит вглубь, погружаясь в темный студень времени. Становись к нам, безымянный, присоединяйся! Отыщи свое звено в цепи! Павел Антоныч, Антон Феликсович, Феликс Каземирович. «...» Мы построили тебе, безымянному, чистенькому, дом, очаг, кухню, коридор, спальню, закут, зажгли лампы и расставили книги» [Толстая 2001: 142].

Герою необходимо было восстановить линию жизни как таковую, прорастающую из материнского лона, ухватиться за нее, стать частью и продолжением. Эта нить материнства важнее таланта и сословия, чести и подлости, материнское начало превышает всего: все порождает и все уравнивает. В финале герой становится отцом, основателем собственной

традиции, вобравшей в себя все модели идентичности без исключений.

Итак, как показывает анализ, через репрезентации гендерных отношений в женской прозе реализуется онтологическая проблематика. В частности, в тексте Т. Толстой через модель материнско-детских отношений раскрывается основной смысловой пласт: обретение гендерной зрелости и состоятельности героев возможно только путем прорастания из материнского лона и его преодоления.

ЛИТЕРАТУРА

Абашева М. П., Воробьева Н. В. «Русская женская проза на рубеже XX — XXI веков: учеб. пособие по спецкурсу. — Пермь: ПОНИЦАА, 2007. — 176 с.

Габриэлян Н. Ева это значит «жизнь» (Проблема пространства в современной русской женской прозе) // Вопросы литературы. — 1996. — № 4. — С. 3–15.

Габриэлян Н. Фантомные пространства требуют человеческих жертв (о современной русской женской прозе) // Общественные науки и современность. — 1993. — № 3. — С. 173–182.

Горюшко Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения: автореф. дис ... канд. филол. наук. — М., 1996.

Жеребкина И. Гендерные 90-е или фаллоса не существует. — СПб.: Алитея, 2003. — 256 с. (Серия «Феминистская коллекция»).

Жеребкина И. «Прочти мое желание...»: постмодернизм, феминизм, постструктурализм. — М.: Идея-пресс, 2000. — 251 с.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. — 2000. — № 12. — С. 74.

Макаров В. В. Основные принципы философии пола: Ст. первая. Биологический диморфизм, гендерная симметрия. Женщина в российском обществе. — М.: Изд. МГУ, 2001. — № 2. — С. 17–25.

Мелешко Т. Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте. Учебное пособие по спецкурсу. — Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2001. — 88 с.

Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Ч. 2. — Иваново, 2002. — С. 273–279.

Пушкарёва Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. — СПб.: «Алетейя», 2007.

Пушкарёва Н. Л. Феномен «женского чтения» и задачи исследования текстов, написанных женщинами. Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы // Материалы междунар. науч. конф. (Иваново, 2 июля 2000 г.). — Иваново: Изд-во Иван. ун-та, 2000. — С. 53–58.

Тарланов Е. З. Женская поэзия в России рубежа веков. Русская литература. — Тверь: Волгоградское научное изд-во., 2006. — 51 с.

Толстая Т. Ночь: рассказы. — М.: «Подкова», 2001. — 432 с.

Showalter E. Women and the literary curriculum // College English. — Middletown, 1977. — № 32. — P. 856.

REFERENCES

Abasheva M. P., Vorob'eva N. V. «Russkaya zhenskaya proza na rubezhe XX — XXI vekov: ucheb. posobie po spetskursu. — Perm': PONITsAA, 2007. — 176 s.

Gabrielyan N. Eva eto znachit «zhizn'» (Problema prostranstva v sovremennoy russkoy zhenskoy proze) // Voprosy literatury. — 1996. — № 4. — S. 3–15.

Gabrielyan N. Fantomnye prostranstva trebuyut chelovecheskikh zhertv (o sovremennoy russkoy zhenskoy

proze) // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. — 1993. — № 3. — S. 173–182.

Goroshko E. I. Osobennosti muzhskogo i zhenskogo verbal'nogo povedeniya: avtoref. dis ... kand. filol. nauk. — M., 1996.

Zherebkina I. Gendernye 90-e ili fallosa ne sushchestvuet. — Spb.: Aliteyya, 2003. — 256 s. (Seriya «Feministskaya kolleksiya»).

Zherebkina I. «Prochti moe zhelanie...»: postmodernizm, feminizm, poststrukturalizm. — M.: Ideya-press, 2000. — 251 s.

Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog, roman // *Vestnik MGU. Ser. 9, Filologiya*. — 2000. — № 12 — S. 74.

Makarov V. V. Osnovnye printsipy filosofii pola: St. pervaya. Biologicheskiy dimorfizm, gendernaya simmetriya. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. — M.: Izd MGU, 2001. — № 2. — S. 17–25.

Meleshko T. Sovremennaya otechestvennaya zhenskaya proza: problemy poetiki v gendernom aspekte. Uchebnoe posobie po spetskursu. — Kemerovo: Kemerovskiy gos. un-t, 2001. — 88 s.

Okhotnikova S. Gendernye issledovaniya v literaturovedenii: problemy gendernoy poetiki // *Gendernye issledovaniya i gendernoe obrazovanie v vyshey shkole. Ch. 2*. — Ivanovo, 2002. — S. 273–279.

Pushkareva N. L. Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie. — SPb: «Aleteyya», 2007.

Pushkareva N. L. Fenomen «zhenskogo chteniya» i zadachi issledovaniya tekstov, napisannykh zhenshchinami. Gendernye issledovaniya v gumanitarnykh naukakh: sovremennye podkhody // *Materialy mezhdunar. nauch. konf. (Ivanovo, 2 iyulya 2000 g.)*. — Ivanovo: Izd-vo Ivan. un-ta, 2000. — S. 53–58.

Tarlanov E. Z. Zhenskaya poeziya v Rossii rubezha vekov. Russkaya literatura. — Tver': Volgogradskoe nauchnoe izd-vo., 2006. — 51 s.

Tolstaya T. Noch': rasskazy. — M.: «Podkova», 2001. — 432 s.

Showalter E. Women and the literary curriculum // *College English*. — Middletown, 1977. — № 32. — P. 856.

Данные об авторе

Юлия Юрьевна Даниленко — кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь).

Адрес: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24.

E-mail: danilenko.juli@mail.ru.

About the author

Julia Yurievna Danilenko is a Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Modern Russian Literature, Perm State Humanitarian-Pedagogical University (Perm).